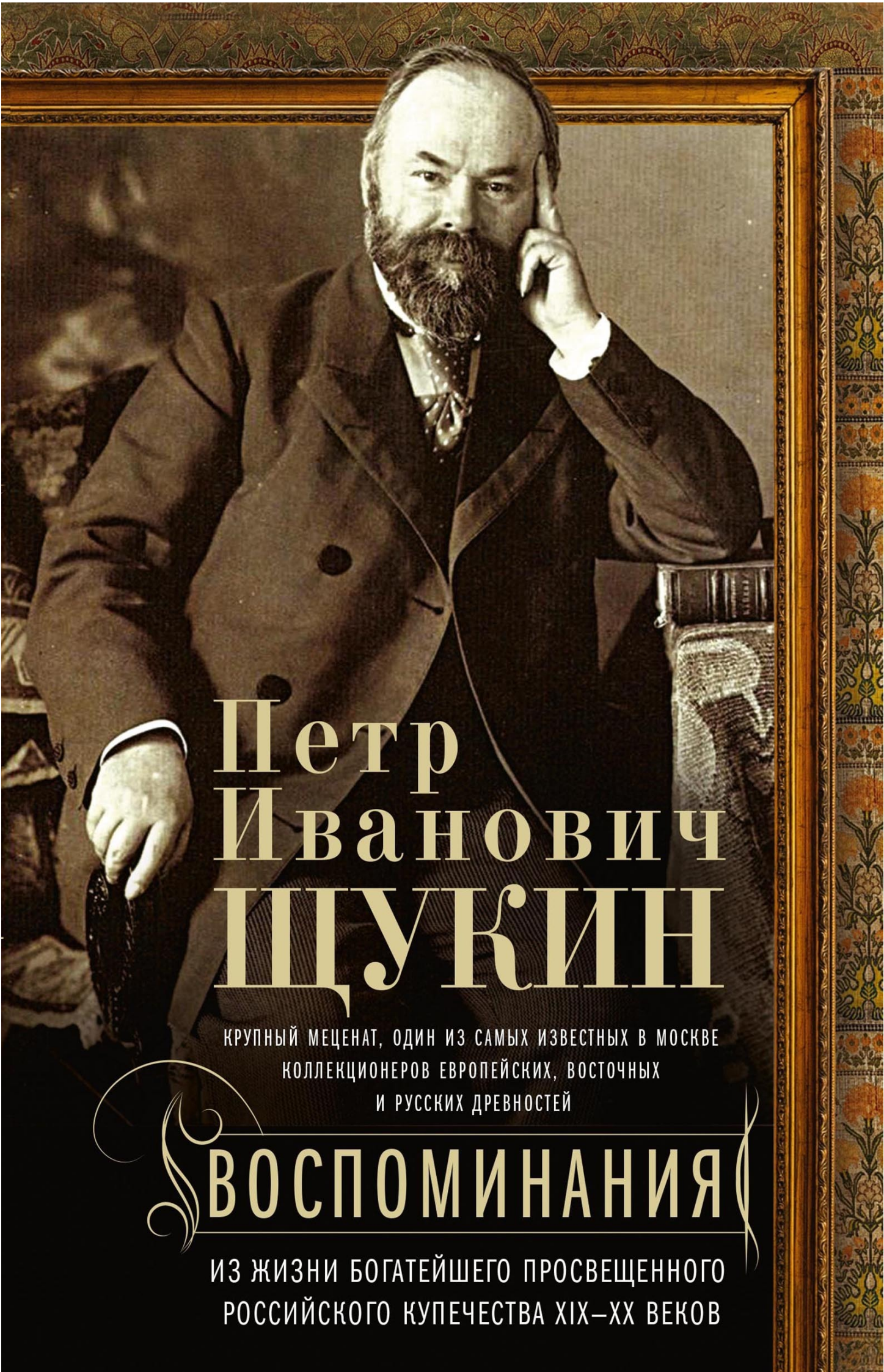

A sepia-toned portrait of Petr Ivanovich Shchukin, a bearded man in a dark suit, sitting and resting his head on his hand. The portrait is framed by an ornate, patterned border.

Петр Иванович ЩУКИН

КРУПНЫЙ МЕЦЕНАТ, ОДИН ИЗ САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ В МОСКВЕ
КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ ЕВРОПЕЙСКИХ, ВОСТОЧНЫХ
И РУССКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗ ЖИЗНИ БОГАТЕЙШЕГО ПРОСВЕЩЕННОГО
РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА XIX—XX ВЕКОВ

Петр Щукин

**Воспоминания. Из
жизни богатейшего
просвещенного российского
купечества XIX—XX веков**

«Центрполиграф»

1912

УДК 929
ББК 83.3(2)

Щукин П. И.

Воспоминания. Из жизни богатейшего просвещенного российского купечества XIX—XX веков / П. И. Щукин — «Центрполиграф», 1912

ISBN 978-5-227-11377-1

Выдающийся русский коллекционер Петр Иванович Щукин (1853—1912) в своей книге делится воспоминаниями о детстве в сердце старой Москвы, учебе в петербургском пансионе и в Берлинском торговом училище, а также о профессиональном становлении — освоении производства шелковых материй на мануфактурах Лиона. Автор рассказывает о том, как его интерес к старинным тканям и восточным диковинкам перерос в дело всей жизни — коллекционирование предметов русской старины и сохранение бесценного наследия отечественной материальной культуры. Автор рассказывает о деловых поездках по Европе, странам Африки, великоросским губерниям и Русскому Северу, в ходе которых пополнялась коллекция, впоследствии переданная в собрание Исторического музея. Воспоминания о путешествиях изобилуют яркими наблюдениями о быте, особенностях транспортного сообщения, устройстве постоялых дворов и кухне народов России и дальних стран. Мемуары П.И. Щукина являются важным свидетельством о развитии музейного дела в России и вкладе просвещенного купечества в сохранение национального культурного достояния. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-227-11377-1

© Щукин П. И., 1912
© Центрполиграф, 1912

Содержание

Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Петр Щукин
Воспоминания. Из жизни богатейшего
просвещенного российского
купечества XIX—XX веков

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2026

Часть первая

Я родился в Москве 18 февраля 1853 года. Отец мой Иван Васильевич Щукин, из купеческого звания, занимался торговлей. Род отца идет из г. Боровска. Был он женат на Екатерине Петровне Боткиной. У меня сохранилось следующее печатное приглашение, относящееся к помолвке моей матери: «Петр Кононович Боткин извещает о помолвке дочери своей Екатерины Петровны за Ивана Васильевича Щукина и покорнейше Вас просит пожаловать к нему на бал сего января 27 дня 1849 года».

4 февраля того же года состоялась свадьба моих родителей в приходе Риз Положения, за Калужскими воротами.

Всех детей у моих родителей было одиннадцать; перечислю их по старшинству: Николай (умерший в младенчестве), Александра, Николай, я, Сергей, Дмитрий, Надежда, Антонина, Ольга, Владимир, Иван.

В 50-х и 60-х годах мои родители жили на Мясницкой, в приходе Архидьякона Евпла, в Милютинском переулке, в доме Херодинова. Этот дом с двумя отдельными флигелями существует и поныне и принадлежит господину Фульда. Не знаю, как внутри, а снаружи он почти не изменился. Дом двухэтажный, каменный, с двумя двухэтажными же каменными флигелями. Передним фасадом дом выходит в Милютинский переулок, от которого отделяется садом, обнесенным каменной оградой с железной решеткой. Ограда, решетка, а также и ворота с барельефными орнаментами в стиле Империи остались все такими же, какими помню их в детстве. У ворот была сторожка и при ней огород, где росли подсолнухи и разные овощи. Ни прежней сторожки, ни огорода давно уже нет. Мои родители нанимали главный дом-особняк. В одном флигеле жило семейство Блюмберга, а в другом – сам домовладелец Херодинов. Двор был обширный. Иногда зимой из деревни приезжали херодиновские крепостные, и тогда двор наполнялся множеством крестьянских саней. Из окон детской, выходящей на задний двор, виден был сад гостиницы «Венеция», находившейся на Мясницкой и теперь не существующей. Летом в этом старом тенистом саду устраивались гулянья; на горе в беседке играл военный оркестр; в деревянном театре давались представления; в палатках, разбитых по саду, были накрыты столы для публики.

Лучшим военным духовым оркестром считался в Москве в то время Карабинерного полка, под управлением капельмейстера Гадельванда; лучшим струнным – Сакса. Летом оркестр Сакса обыкновенно играл в саду «Эрмитаж», который содержал тогда Морель. Об этом оркестре упоминает Д.Т. Ленский в своем четверостишии по случаю приглашения на Щепкинский юбилейный обед: «Заиграет оркестр Сакса, / И заискритсЯ Аи, / И заплачет старЫй плакса, / А с ним – денежки мои». У Мореля также пел знаменитый цыганский хор Петра Соколова.

Близ горы с беседкой, где играла музыка, была поставлена высокая, гладкая мачта, намазанная салом, на вершину которой, к горизонтально прикрепленному обручу, привешивались рубахи, сапоги, платки и другие вещи. Желаящие карабкались вверх по мачте, но редко кому удавалось снять что-нибудь из этих призовых вещей; большей частью съезжали с мачты с пустыми руками, не добравшись до ее вершины.

Зимой ежедневно к вечеру слетались стаи ворон и галок и садились на самое большое в саду дерево, и потом эти стаи птиц вдруг поднимались и куда-то улетали. Все это было отлично видно из окон детской.

В детской мы не знали другого освещения, кроме сальных свечей, для снятия копоты с коих употреблялись съемцы. Даже тогда, когда я подрос и меня стали брать на Нижегородскую ярмарку, употребление сальных свечей было еще довольно распространено. На ярмарке мальчишки продавали в разноску сальные свечи, причем пели: «Свечи, свечи сальные, светильники

бумажные, горят они ясно, очень прекрасно». А купцы подпевали: «Горят они, ноют, ничего не стоят».

В то время Москва вообще плохо освещалась. М.П. Погодин, будучи гласным Московской городской думы, был того мнения, что ночью не нужно освещать улиц, так как порядочные люди сидят дома, а для гуляк не стоит. Уличные фонари горели очень тускло. Пожарные исполняли также обязанности фонарщиков, и конопляное масло, служившее для освещения уличных фонарей, они часто воровали, чтобы потом есть его с кашей. Поэтому в масло стали прибавлять скипидар. Впоследствии вошло в употребление освещение домов светильным газом, называвшимся переносным, потому что его развозили по городу. Часто можно было видеть на улице большой, длинный железный фургон и выходящую из него каучуковую кишку, которая лежала поперек тротуара и наполняла газом домовый резервуар; причем газ давал себя знать прохожим своим неприятным запахом.

Со времени моего детства многое изменилось, многое исчезло безвозвратно. Московские дома были преимущественно одно- или двухэтажные, редко трехэтажные, и более скромной архитектуры, чем теперь. При прежних низких домах, несмотря на узкие улицы, днем было светлее; в настоящее же время при постройке высоких домов стало темнее, так как улицы не расширили. Число садов весьма поубавилось: одни значительно уменьшены, другие совсем уничтожены.

Когда не было санного пути, извозчики возили седоков на неудобных дрожках, называвшихся «калибрами», на которые мужчины садились верхом, а женщины боком. В наше время извозчиный калибр, подобно алебарде будочника, можно причислить к музейным редкостям.

Под сводчатыми воротами некоторых домов, выходявших на улицу, обыкновенно торговали книгами, литографиями и лубочными картинками, что придавало мрачным воротам веселый вид. Это были своего рода уличные картинные галереи. А какие забавные картинки встречались иногда под воротами! Вот, например, одна, о которой не упоминает Ровинский¹: на англазированной белой лошади сидит верхом рыцарь в шлеме и кольчуге, с Андреевской лентой через плечо; подпись: «Государь и царь Иван Васильевич Грозный, человек справедливый, но сурьезный».

Иногда под воротами можно было купить и редкую книжку.

Вывески парикмахерских особенно бросались в глаза своими изображениями банок с пивками и невест, убранных к венцу. На вывеске одной пивной была изображена бутылка, из которой вылетает вместе с пивом пробка, и написано: «Эко пиво!» На входных дверях одного трактира красовалась надпись: «Милости просим!», на выходных: «До свидания!» В Охотном ряду на трактирной вывеске была изображена ворона, держащая в клюве блин, и написано: «Здесь Воронины блины». В Кускове у цирюльника была вывеска с такой надписью: «Здесь бреют и стригут козлов из Москвы».

Табачные лавочки назывались «музыкальными», потому что кроме табака в них продавались гармоники, гитары, струны, а также маски.

Пассаж в Москве был всего один, и назывался он «Голицынской галереей» или просто «галереей» (нынешний Голофтьевский пассаж). Самый большой магазин был «Магазин русских изделий», помещавшийся на Кузнецком мосту, в доме князя Гагарина. Этот магазин состоял собственно из нескольких магазинов, расположенных в анфиладе зал. Из более крупных торговцев в «Магазине русских изделий» были братья Сапожниковы и Павел Иванович Гучков.

На Никольской, в кондитерской Савицкого, продавалось отличное сухое варенье. Большой популярностью пользовались шоколад и пряники из кондитерской Педотти. После взятия

¹ Ровинский Дмитрий Александрович (1824–1895) – русский юрист, искусствовед, меценат и благотворитель. Известен как историк искусства и составитель справочников по русским портретам и гравюре XVIII–XIX вв.

в плен Шамиля в кондитерских появился пирог в виде белой черкесской папахи, носившей название «Шамилевой шапки». Греки торговали на улицах халвой и рахат-лукумом. На улицах же продавали петушков из леденцов красного цвета, по копейке за штуку, до которых мы, дети, были большие охотники. Около торговых бань, на улице, продавали четырехугольные конфеты в бумажках с раскрашенными картинками; в состав этих конфет входило больше муки, чем сахару, и называли их «банными». У прислуги было обыкновение наклеивать такие конфетные картинки и вообще картинки на внутреннюю сторону крышки своих сундуков. Бывало, какое удовольствие испытывали мы, когда кто-нибудь из прислуги открывал свой сундук и мы могли любоваться картинками. Существовала яблочная пастила, называвшаяся «муфтовой», потому что имела форму муфты и продавалась в картонных коробках, в какие укладывают муфты.

Один из первых московских фотографов был Мебиус на Лубянке, но в домах встречалось еще много дагеротипных портретов.

Входные двери даже в первоклассных трактирах и торговых банях имели блок с веревкой, к которой привязывался обыкновенный кирпич, отчего, когда отворяли или затворяли дверь, слышался скрип как бы вертящегося колеса. Необходимой принадлежностью всякого порядочного трактира был музыкальный орган, называвшийся «машиной». Великим постом в трактирах было запрещено играть на органах. Мой дядя, доктор П.Л. Никулин, все же ухитрялся, чтобы Великим постом в трактирах заводили орган, так как заставлял играть «Боже, царя храни», в чем ему отказать не смели.

О благоустроенных торговых банях, вроде нынешних Сандуновских и Центральных, в то время и понятия не имели. Так, в прежних Сандуновских банях мужское «дворянское» отделение, куда мы ездили с отцом, состояло всего из трех небольших комнат: раздевальной, предбанника и парильни. В раздевальную вел с улицы нетопленый коридор, вследствие чего в зимнее время при открытии двери из коридора в раздевальную врывался столбом холодный пар. Диваны в раздевальной были покрыты простынями сомнительной чистоты. Висящая посредине потолка лампа немилосердно коптила. Для общего пользования на подоконнике стояла помадная банка без крышки, и можно было видеть, как мальчишка-слуга грязными руками напмаживал голову какому-нибудь купцу. Персияне в банях красили себе хной бороды и ногти в красный цвет. Зато в отдельных номерах Сандуновских бань московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову, Козьме Терентьевичу Солдатёнкову и богатым невестам подавали серебряные тазы и шайки.

Из московских уличных типов совершенно исчез тип подростка-подмастерья; в полосатом халате, без шапки, стриженный, босиком, он часто встречался на улицах, обыкновенно неся красный глиняный кувшин и прыгая с одной тумбы на другую.

Нет более и похоронных факельщиков, которые в своих черных, круглых, с широкими полями шляпах и черных мантиях, с горящими факелами, казались нам страшными. Нас водили в соседний польский костел, когда там бывали какие-нибудь богатые похороны. Однажды один из моих братьев, рассказывая о виденных им похоронах какого-то генерала, в коих участвовали войска с музыкой и пушками, в заключение добавил: «А сам покойник сидел на козлах и правил лошаадьми». Брат, очевидно, принял кучера, сидевшего на козлах погребальной колесницы и одетого, по обыкновению, в костюм факельщика, за самого покойника.

Ночью будочники, стоявшие с алебардами у своих будок, окликали прохожих, и на вопрос «Кто идет?» надо было отвечать: «Обыватель». Иначе забирали в часть.

Я хорошо помню чрезвычайно яркую, с громадным хвостом комету (Донати), бывшую в 1858 году.

Из времени последнего Польского восстания сохранилась в моей памяти отправка повстанцев из Тверской части в Сибирь. Видел я эту отправку, стоя у ворот части. Ссылаемые поляки были все молодые люди, в полушубках и ножных кандалах. Они курили папиросы, и их сажали в сани жандармы-конвоиры. К тому же времени относится памятный мне боль-

шой проход войск через Москву: полки, тянувшиеся по Садовой; солдаты в серых шинелях и фуражках без козырька, в виде блина; привал солдат в Милютинском переулке, поставивших свои ружья в козлы.

Вижу, как теперь, сидящего в кабинете отца за ломберным столиком и играющего с другими гостями в карты одного из севастопольских героев – Михаила Федоровича Белкина, который тогда был уже в отставке, носил партикулярное платье, а в петлице Георгиевский крест. (М.Ф. Белкин в 1857 году по болезни вследствие полученных ран и контузий вышел в отставку. Через 23 года он вновь поступил на службу. Белкин умер в 1909 году, в чине контр-адмирала, на 84-м году своей жизни. Он имел за Синопское сражение Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а за оборону Севастополя – Георгия 4-й степени. Во время осады Севастополя Белкин командовал люнетом, который назывался «Белкиным».) Другой воин, прославившийся более своими стихами, чем на поле брани, Афанасий Афанасьевич Фет, приходился мне дядей. Сестра моей матери, Мария Петровна, была за ним замужем. Он тоже бывал у нас, и когда вышел в отставку в 1858 году, то подарил мне свои серебряные с бахромой штаб-ротмистрские эполеты и уланский кивер с белым султаном.

Иногда приезжал из Петербурга приятель отца, Михаил Тимофеевич Лавров (в Петербурге на Островах были его известные дачи), который всегда останавливался у нас. Михаил Тимофеевич был большой чудака и очень веселого нрава. Однажды он повел нас, детей, в галерею; там в игрушечном магазине он купил нам по барабану, а для себя скрипку; затем, поставив нас в ряд, заставил идти вдоль всей галереи и бить в барабаны, сам же шел впереди, играя на скрипке; понятно, что приказчики выбегали из магазинов смотреть на это шествие. Впоследствии дела Лаврова расстроились. В конце 60-х годов я встретил его в Петербурге, где он жил и имел в Демидовом переулке магазин мануфактурных и галантерейных товаров под названием «Бузенто». Из Демидова переулкa Лавров переехал потом со своим магазином на Пески.

Часто бывал у моих родителей швейцарский консул, старик, Осип Николаевич Геер, который жил в своем доме близ Алексеевского монастыря, где имел прекрасный сад-парк и водочный завод. В саду созревали груши дюшесы, а гееровские водки и наливки пользовались заслуженной славой. (Однажды отец, стоя у закуского стола, представил О.Н. Геера какому-то гостю. «Пивал», – сказал гость, вероятно вспомнив об гееровских водках.) Геер был женат на нашей родственнице Наталье Петровне Постниковой, довольно чопорной даме. К нам на вечера Осип Николаевич являлся так рано, что ему приходилось обыкновенно ходить одному по комнатам.

Ходил к моему отцу армянин Соломон Степанович Мирзоев, который умел хорошо готовить армянские кушанья, но не знал ни чтения, ни письма – ни по-русски, ни по-армянски. Обыкновенно Мирзоев поутру вставал рано, отправлялся в Охотный ряд за провизией, сам готовил обед, а вечера проводил в Купеческом клубе, где славился укус его приготовления, называвшийся «соломоновским». Соломон Степанович посещал и моего дядю, доктора П.Л. Пикулина. Бывало, придет он к дяде, которого застанет за чтением газеты. «Что пишут новенького?» – спросит Мирзоев. Тогда Пикулин в шутку, зная, что тот не умеет читать, передает ему газету и говорит: «На, прочти». Вообще над Мирзоевым немало трунили. В приятельском кружке его называли просто Соломон. Н.Х. Кетчер в лицо говорил Мирзоеву: «Хотя тебя и зовут Соломон, но ты все же дурак». Неофициальное занятие Мирзоева было давать взаймы деньги под большие проценты, причем Мирзоев принуждал должника покупать у него же чубук.

Иногда нас возили в Большой театр, где, сидя в ложе и имея с собой запас яблок, мятных пряников и разных сластей, смотрели балеты: «Наяда и рыбак», «Аладдинова лампа, или Багдадский пирожник», «Вот так пилюли, что в рот, то спасибо», «Роберт и Бертрам, или Два вора», «Корсар», «Сатанилла», «Мельники» и оперы: «Жизнь за царя», «Громовой» и «Аскольдова могила». (В то время опера «Вильгельм Телль» шла под названием «Карл Сме-

лый», опера «Гугеноты» – «Гвельфы и гибеллины», опера «Немая из Портичи» – «Фенелла».) Величественная зрительная зала Большого театра, а в особенности писанный профессором Дузи в 50-х годах XIX столетия и до сих пор сохранившийся художественный занавес, изображающий въезд князя Пожарского в Московский Кремль (в 1612 году), производили на меня чарующее впечатление.

Из других зрелищ сохранился в моей памяти театр-балаган Лаврентия Казанова на Лубянской площади, где давали «Взятие крепости Гаэты» и другие пьесы, в которых главными действующими лицами были обезьяны. Для нас были интересны, не говоря уже о самих представлениях, даже афиши с лубочными картинками, изображавшими наряженных обезьян, сидящих за обеденным столом с подвязанными салфетками, или обезьян в костюмах бедуинов, верхом на лошадях выезжавших из ворот крепости. Театр Казанова просуществовал недолго, сторел дотла со всеми животными. Знаменитую Юлию Пастрану² я не видел, но хорошо помню афиши с ее портретами. Потом, не помню уже где именно, показывали панораму реки Миссисипи. В темной зале, в которой была освещена лишь сцена, тянули картину-декорацию, писанную на бесконечно длинном холсте, причем какой-то господин давал объяснения картины. На Рождественке показывали в виде редкостей верблюда и пуделя, играющего в домино.

На Мясницкой, в Кривом переулке, в доме Борхгардта (приятеля отца), мы бывали на елке, получали там подарки от радушного хозяина и смотрели туманные картины, которые показывали в зале на простыне, посредством волшебного фонаря. Елка бывала и у нас.

По заведенному обычаю, на Масленице катались под Новинским, на Вербной неделе – на Красной площади, а 1 мая – в Сокольниках. Не пропускали также иллюминаций в торжественные дни. Дома играли мы в бирюльки, в лото и в другие игры и пускали волчок. Между уличными мальчишками была тогда очень распространена игра в бабки, в которую играли обыкновенно на бульварах; впоследствии эту игру на бульварах запретили. Игрушки покупались для нас в галерее, в «Магазине русских изделий», во время дешевки, да еще в двух или трех игрушечных лавках. (На дешевке продавались игрушки большей частью сломанные.) Из автоматических игрушек к числу излюбленных принадлежали: заяц, играющий на барабане, и «Фомич-обжора», глотающий один кусок за другим. На Кузнецком мосту в окне одного магазина долго можно было видеть играющий автоматический оркестр из кукол-обезьян, в костюмах XVIII столетия. Покупались нам также деревянные раскрашенные солдаты, кухонная жестяная посуда, стадо, птичий двор, складные картинки, миниатюрные колониальные или кондитерские лавки, картонные театры и т. д. Вообще игрушки отличались простотой и дешевизной. Уже потом открылся на Кузнецком мосту магазин Триака с дорогими и изящными игрушками.

Книжки моего детства, которые в особенности остались мне памяты, были: иллюстрированные издания – «Сказка об Иване-царевиче и сером волке», сочинение В. Жуковского, с рисунками Н. Анненкова, издание М.О. Вольфа, «Робинзон Крузо» и «Степка-растрепка»; Новый Завет на французском языке (парижское издание 40-х годов Кюрмера с гравюрами, резанными на стали), иллюстрированное издание 1843 года того же Кюрмера «Сказок» Перро, «Басни» Крылова с литографированными картинками (издание 1847 года), «История Наполеона» с прекрасными картинками Horace Verriet, резанными на дереве, иллюстрированная «История Суворова» – Полевого (издание 1843 года), «Повести» Марко Вовчка, с хромолитографированными картинками, исторический роман для детей П. Фурмана «Александр Данилович Меншиков» с литографированными картинками (издание 1847 года) и «Приключения маленького барабанщика, или Гибель французов в России в 1812 году» (с восемью раскрашен-

² Пастрана Юлия – участница мирового турне под названием «бородатые и волосатые леди». В 1859 г. гастролировала в России.

ными литографированными картинками). Все эти издания стали теперь библиографическими редкостями.

В «Повестях» Марко Вовчка нравилась мне в особенности повесть «Как поймать солнечный луч», в которой главным действующим лицом был сапожник Федотыч, живший в подвале, что было изображено на приложенной к повести картинке, вместе с солнечным лучом, проникающим через окно в подвал.

Первая глава «Приключений маленького барабанщика» начиналась так: «Дочь седельного мастера Бунша 18-месячная Эмилия лежала в жестокой лихорадке, грозившей положить конец ее нежной жизни...» О великой армии Наполеона в этой же книжке, между прочим, говорилось: «Там блистали разноцветные мундиры австрийцев, пруссаков, баварцев, вестфальцев, виртембергцев, саксонцев, голландцев и итальянцев...»

Так как я питал большую любовь ко всему военному, то мне дарили оловянных солдатиков, сабли, ружья, кивера, книжки с картинками военного содержания и т. и. Если по улице шли солдаты, то отец, указывая на них, всегда говорил мне: «Вот идут твои игрушки». В одном подаренном мне альбоме с раскрашенными изображениями русских войск имелось под каждой картинкой четверостишие – например, гусар, гарцующий на коне и замахивающийся саблей, со стихами:

Не зная отдыха, ни страха,
Как вихорь, носится гусар.
И неприятелю с размаха
Готов решительный удар.

О гренADERах в походе в двух последних строках четверостишия (двух первых не помню) говорилось:

Чарку водки выпивает
И опять готов идти.

После итальянской кампании 1859 года отец привез мне из Парижа превосходно исполненные цветные литографии сражений при Палестро, Манженте и Сольферино.

Учились мы дома, у гувернанток. Из них помню лишь Варвару Ардальоновну Эйнвальд, из смолянок. В качестве бонны жила у нас добродушная старушка немка, которая поила нас своим кофеем и читала нам немецкие рассказы Франца Гофмана. Звали ее Федосьей Егоровной. Муж ее был драпировщик и работал у нас, когда не был пьян. К моей матери ходила презлая старуха француженка Марья Ивановна Кандриян, которую мы очень боялись. У матери Кандриян занималась гаданием, спиритизмом и верчением столов, но, когда происходили эти сеансы, нас выгоняли из комнаты.

На уроки гимнастики ездили мы к французу Билье, содержавшему гимнастическую залу на Большой Дмитровке. Танцам учил нас танцмейстер Вишневский, приезжавший к нам в дом вместе со своим скрипачом. Выделывать под звуки скрипки разные па было для меня сущим наказанием; танцевать так я и не научился, несмотря на все старания Вишнеvского.

Летом жили мы на даче, сперва в Сокольниках, потом в Кунцеве. О жизни в Сокольниках помню смутно, потому что был тогда слишком мал. В Кунцеве мои родители жили подряд 25 лет, и все на одной и той же даче. Эта дача до сих пор цела и находится в той части Кунцева, которою владеют наследники Василия Ивановича Солдатёнкова. В первые годы, когда мы жили в Кунцеве, оно принадлежало Льву Кирилловичу Нарышкину, который сам в нем не жил, а имением управлял Павел Антонович Дейер. Мы нанимали первую дачу с левой стороны, если ехать от Кунцевской церкви к главному дому. Дача была деревянная, со старинной

мебелью конца XVIII – начала XIX столетия. В столовой висели две большие бумажные обойные картины, очень недурной работы, начала XIX века, представлявшие охоту: лес, охотников на лошадях, с валторнами, своры собак, бегущих оленей и т. д. Эти картины потом куда-то исчезли, старинная мебель тоже, и заменилась более новой. Первоначальный вид дачи потом тоже изменился вследствие пристроек и надстроек.

В главном каменном доме с бельведером жил московский военный губернатор граф Сергей Григорьевич Строганов, старик, ходивший в генерал-адъютантском сюртуке и с костылем. (Граф С.Г. Строганов был московским военным губернатором с 1859 по 1860 год.) У дома стояли две полосатые будки с двумя часовыми, в киверах и с лошадиными хвостами.

Потом жили в главном доме: откупщик Иван Алексеевич Кононов, после него фабрикант Иван Иванович Бутиков, затем Козьма Терентьевич Солдатёнков, который в 1865 году купил Кунцево у Нарышкина за двести тысяч рублей. (Библиотекарь Румянцевского музея остряк Евгений Федорович Корш сказал об И.И. Бутикове: «Не тонкий знаток вин, а толстый». Бутиков был не из худеньких и любил хорошие вина.)

В 1861 году, вечером 26 мая, Кунцево посетила царская фамилия. На нижней площадке главного дома, откуда открывается вид на Москву-реку и дальние окрестности, был накрыт стол, и мы, дети, стоя на террасе главного дома, сверху смотрели, как их величества пили чай. В той части Кунцева, коей владели в то время два брата Солодовниковы, и поныне сохранилась беседка, снаружи которой прибита белая мраморная доска с надписью золотыми буквами: «Его Величество Государь Император Александр II и Ея Величество Государыня Императрица Мария Александровна изволили быть в сей беседке Майя 26 дня 1861 года».

Солодовниковы были скопцы. Часть Кунцева, принадлежавшая им, была менее красивой, чем солдатёнковская. Жили они вместе со своей сестрой, Анной Герасимовной. Впоследствии она умерла от ожогов, полученных во время пожара на даче в Кунцеве, от загоревшихся ночью в ее комнате занавесок. В Кунцеве братья Солодовниковы занимались главным образом ужением рыбы в собственном пруду, находившемся близ берега Москвы-реки под горой, куда вел особый спуск с запертой на ключ деревянной калиткой.

К.Т. Солдатёнков жил в Кунцеве весело: задавал лукулловские обеды и сжигал роскошные фейерверки с громадными щитами, снопами из ракет, бенгальскими огнями. Фейерверки эти привозились из артиллерийской лаборатории на нескольких возах, в сопровождении солдат-фейерверкеров, и пускались на берегу Москвы-реки, напротив главного дома. (Вместе с К.Т. Солдатёнковым жил сын его покойного брата Ивана Терентьевича, юноша, которого звали Васей. При Васе состоял немец-гувернер Рейман.)

От нарышкинского имущества сохранились в главном доме картины и мебель XVIII и начала XIX века. Из картин помню лишь гуашь, представлявшую императора Павла верхом на белой лошади, со свитой тоже верхами.

Кунцевским праздникам и украшению его парка немало способствовал живший у Солдатёнова художник Иван Егорович Раев (ученик Ступинской рисовальной школы, бывшей в Арзамасе). Раев был человек восторженный и увлекающийся. Во время Раева в Кунцеве появились новые беседки, пьедесталы с вазами в древнегреческом стиле; каменную бабу, бывшую до тех пор в лесу, в так называемом «Проклятом месте», перевезли и поставили в саду при главном доме. К сожалению, во время того же Раева были куда-то убраны из Кунцевского парка старинные мраморные статуи.

У Солдатёнова жил еще в качестве библиотекаря Иван Прокофьевич Филиппченко, который был горбатый.

По воскресеньям и праздникам, до Петрова дня, перед главным домом, где возвышается колонна с вензелем императрицы Екатерины II, парни и девки из деревни Мазилова и села Крылатского водили хороводы, за что получали от Солдатёнова платки, пряники, орехи и другие подарки.

Поблизости главного дома находились: фруктовый сад, большая оранжерея, парники и грунтовый сарай; в последнем росли шпанские вишни, персики и сливы. Во фруктовом саду созревали между прочим превосходные наливные яблоки (белый налив). В 60-х годах, вследствие сильных морозов, эти яблони погибли.

В липовой роще, называвшейся Чайниками, потому что в ней пила чай приезжавшая из Москвы публика, устраивались дачниками по подписке балы, для чего на площадке в роще разбивалась большая палатка. (Как-то случилось, что в липовой роще к К.Т. Солдатёнкову привязались какие-то пьяные гуляки, и с тех пор он запретил пить чай в этой роще. Самоварщицам пришлось перейти со своими столами в более отдаленный от главного парка лесок.) Иногда бывали балы и в оранжерее. В деревнях по ту сторону Москвы-реки, Мневниках и Терехове, квартировала конная артиллерия, офицеры которой являлись на эти балы и приводили с собой своих музыкантов. Устраивались также по подписке балы в Мазилове, Давыдове, Волынском, на Филях и в других соседних деревнях и селах.

В детстве нашими большими друзьями были служившие у нас лакеи, повара и кучера. С их помощью мы строили себе шалаши, ловили рыбу и пускали фейерверки. Последние покупали у разносчиков, приходивших из Москвы, а иногда я сам ездил за Рогожскую заставу, в артиллерийскую лабораторию, и покупал в тамошнем складе ракеты, римские свечи, колеса, бураки, шутихи, бенгальские огни и т. п. До сих пор не постигаю, как мне, маленькому мальчику, отпускал этот не совсем безопасный товар офицер, заведовавший складом. Купленные фейерверки держал я обыкновенно под своей кроватью. Однажды это узнала моя родительница, за что мне порядком досталось. Пускали мы фейерверки у Кунцевского пруда, находящегося близ нашей дачи.

Карасей ловили мы в Мазиловском пруду, и довольно примитивным способом: посредством большой плетеной корзины. Раздевшись донага, с корзиной влезали в воду; корзину тащили под водой двое из нас, ухватя ее за края. Пруд изобиловал карасями, и иногда вытаскивали довольно крупную рыбу. У берегов Москвы-реки ставили верши, в которые заползали раки, а также попадали налимы, щуки, ерши, пескари и другая мелкая рыба.

Жить в Кунцеве было привольно, потому что было мало дач, не так как в других местах под Москвой, где множество дач делают впечатление города, выстроенного в лесу. В Кунцеве росли громадные дубы, липы, березы, сосны и ели, даже несколько сибирских кедров. В зной в тени вековых деревьев чувствовалась прохлада, и Москва-река, не загрязненная фабриками, делала купание в ней приятным удовольствием. В начале лета в Кунцевском парке благоухали ландыши и белая и лиловая сирень, а в середине лета воздух был напоен ароматом цветущих лип. В лесу мы собирали землянику, малину, костянику, бруснику, чернику, белые и березовые грибы и орехи. Певчих птичек было изобилие, по ночам пели соловьи, и даже кукование кукушек и лягушачьи концерты придавали своего рода прелесть Кунцеву.

В Кунцеве не было тропинки, которая не была бы нам известна. С отцом мы делали прогулки в ближайшую деревню Мазилово, где крестьяне занимались изготовлением деревянных птичьих клеток, в деревню Давыдово, крестьяне которой разводили много клубники, в более отдаленное село Крылатское, славившееся малиной, и в другие места.

На кунцевских дачах жили многие из наших родных и знакомых: две семьи Боткиных (Дмитрия и Петра Петровичей), семья И.А. Сусорова, Вл. Дм. Коншина, Фед. Ив. Буслаева, Абр. Абр. Морозова, академика Шумского, Керцелли и других. Дача Крестовниковых была напротив нашей и отделялась двумя лужайками и тремя проезжими дорогами. Потом на крестовниковской даче жила известная московская красавица Марья Семеновна Пустовалова. (Жили также в Кунцеве хорошенькие барышни Летковы; одна из них вышла замуж за Николая Владимировича Султанова.)

В конце лета 1863 года меня отдали в Бемскую школу (Behmsche Schule), находившуюся в городе Выборге, где учился мой старший брат и куда повез меня отец. Из Петербурга

в Выборг отправились мы на пароходе Финляндского общества. В Кронштадте в первый раз увидел я стоящие на рейде деревянные двух-, трех- и четырехдечные военные корабли с множеством торчащих из люков пушек и с массой матросов в белых фуражках на верхних палубах. Миновав Транзунд, мы вошли в Выборгский порт. В Выборге остановились в самом центре города, недалеко от пристани, в гостинице «Або». Помнится, в занимаемом нами номере на камине стояли вазы с искусственными цветами под стеклянными колпаками и белая гипсовая кошка с качающейся головой. В гостинице в первый раз попробовал я мамуру и наливку из этой ароматической ягоды.

Бемская школа находилась не в самом городе, а вблизи Петербургского форштадта и помещалась в большом, выстроенном покоем одноэтажном бревенчатом, на гранитном фундаменте, доме, выкрашенном в светло-желтый цвет. Посреди дома под крышей возвышалась башня. Школа располагалась в малонаселенном предместье Папула. К ней, то есть к школе, примыкал с одной стороны сад с огородом, а с другой – разные службы: баня, сараи и амбары. С переднего фасада школа имела три крыльца; среднее, внутри небольшого двора, отделенное от шоссе дорожкой деревянной решеткой, служило для учеников, и над входной дверью была прибита доска с надписью:

Unsem Fingang segne Gott,
Unsem Ausgang gleichermassen³.

Крыльцо, бывшее в левом флигеле, ближе ко двору со службами, вело в квартиру директора, а крыльцо в правом флигеле – в квартиры учителей. Имелось еще два боковых крыльца; одно вело из правого флигеля в сад с огородом, другое – из кухни, помещавшейся в левом флигеле, на двор со службами. Позади школы находился обширный рекреационный двор, в который спускались по лестнице заднего крыльца. Этот двор был отделен невысокой, из гранитных камней, оградой от усадьбы генерала Филиппеуса. Через ограду воспитанники тайком перелезали в старый парк Филиппеуса с хищническими целями: весной – для добывания сока из берез, а в конце лета – полакомиться крыжовником и малиной.

В Бемской школе все науки преподавались на немецком языке, и вообще весь школьный обиход был немецкий. (Всех классов было шесть: секста, квинта, кварта, тертия, секунда и прима.) Меня, ученика низшего класса (сексты), как и прочих немцев и русских, заставляли учить немецкий катехизис, который преподавала госпожа Ида Бем, вдова основателя и владельца школы. Это была уже пожилая дама, ходившая всегда в трауре. На ней лежало все хозяйство школы, и у нее находились ключи от кладовой, где хранились: мука, хлеб, сахар, бочки с брусничным вареньем и разная другая провизия.

В своей небольшой, чрезвычайно опрятно содержавшейся комнате госпожа Бем учила нас немецкому катехизису, причем за невнимание или за неудовлетворительные ответы была по рукам четверугольной линейкой. Русские, равно с немцами, обязаны были ходить на богослужение в лютеранскую церковь, находившуюся в городе. В школьной зале утром и вечером ученики пели немецкие молитвы. (Нередко после ужина кто-нибудь из учеников, чтобы поспать, тайком забирался в большой шкаф, стоявший в каждом классе, прося товарища разбудить его перед молитвой.) Некоторые из вечерних молитв как будто сейчас слышу. Стоишь, бывало, в зале, перед тем как идти ложиться спать; от утомления подкашиваются ноги, слипаются глаза, и усталые голоса учеников поют:

Komm, verschliess die Kammer
Und lass alien Jammer

³ Да благословит Бог наш вход, Да благословит Бог наш выход (нем.).

Feme von uns sein.
Sei du Schloss und Riegel,
Unter deine Flugel
Nimm dein Schaflein auf⁴.

Или:

Miide bin ich, geh' zur Ruh,
Schliesse beide Auglein zu;
Vater, lass die Augen dein
Über meinem Bette sein⁵.

Перед обедом и ужином директор говорил краткую молитву: «Komm Herr Jesu, sei unser Gast und segne was du uns bescheret hast» и после: «Gott sei Dank fur Speise und Trank»⁶.

Русские воспитанники, соблюдая немецкие праздники, праздновали также и свои. Последнему завидовали немцы, которые должны были учиться, когда русские гуляли. На Страстной неделе, во время говенья, русские тоже не учились. На говенье каждому давали по пяти рублей, из коих некоторые ученики клали на блюдо священнику за исповедь медный пятак, завернутый в бумагу; большая же часть денег проедалась и пропивалась. Ходили тайком в городскую кондитерскую, где ели пирожки и пили шоколад или ликеры; обедали в одной гостинице Петербургского форштадта, где давали обед с рюмкой ликера за 35 копеек; пили мед в чухонской пивной, находившейся на том же форштадте близ русской церкви. В Петербургском форштадте существовала харчевня, которую держал очухонившийся русский, прозывавшийся «дядей Андреем»; мы забирались в комнату самого хозяина, в которой едва можно было повернуться, так она была мала, и там ели пироги с гречневой кашей и грибами. В Пасхальную заутреню ходили в городской собор, переполненный солдатами, потом разговлялись в столовой школы пасхой, куличом, красными яйцами и ветчиной. Пасху приготавливали нам в казармах местного батальона.

День основания школы праздновался особенно торжественно. К этому дню приготавливались за месяц. Под руководством немцев-учителей готовили к постановке «Лагерь Валленштейна» Шиллера или «Юлий Цезарь» Шекспира (в немецком переводе), разучивались роли и шились костюмы. Все роли, как мужские, так и женские, исполняли воспитанники. Так, например, Кальпурнию в «Юлии Цезаре» играл старший Гебауер (из Москвы), и играл при этом весьма женственно. Учитель русского языка Дегло репетировал с воспитанниками «Лакейскую» Гоголя или сцену мальчиков, сидящих у костра, из рассказа Тургенева «Бежин луг»; эту сцену играли ученики младшего класса, между прочим, и я. Под наблюдением учителя рисования (прежде Шпренгеля, потом Хасельблата, затем Иогансона) ученики писали в зале на полу декорации. (У Шпренгеля, на его квартире, брал я частные уроки рисования.) Учитель пения и музыки Фальтин со школьным хором разучивал какую-нибудь кантату. За несколько дней до торжества в столовой устраивали сцену; стены убирали гирляндами из еловых веток; пекли вкусные пряники и т. д. На утренний акт и вечернее представление приезжали местные власти и родственники учеников.

Зимой, в свободное от учебных занятий время, нас водили кататься на коньках, на свой собственный или городской каток. Или, когда не было снега, а лед относительно толст, ката-

⁴ Приди, запри комнату, И пусть несчастье не достигнет нас. Будь замком и засовом. Твоими крыльями Укрой своих ягнят (нем.).

⁵ Я устал, я иду отдохнуть, Я закрываю глаза; Отец, пусть Твой взор будет Над моей кроватью (нем.).

⁶ «Приди, Господь Иисус, будь нашим гостем и благослови то, что Ты дал нам» и после: «Возблагодарим Бога за еду и питье» (нем.).

лись по Выборгской бухте на пространстве нескольких верст⁷. При этом случалось иногда, что воспитанники проваливались в воду, хотя и без серьезных последствий. Катались также близ школы на лыжах. На дворе строили из снега укрепления, играли в снежки, а весной и осенью играли в лапту, катались на лодках под парусами или на веслах. У школы имелась собственная большая лодка, которую называли *Kanonenboot*, стояла она у Папуловского моста. У этого же моста ученики удили салаку, а зимой устраивался свой каток. Осенью ходили в лес собирать грибы, которые нам потом давали к ужину. В лесу же собирали бруснику, голубику и чернику, коими изобилует Финляндия. В Троицын день ученики с директором и учителями отправлялись пешком за 60 верст на водопад Иматру. Выступали из школы рано утром, с немецкими песнями. У самого водопада была тогда небольшая деревянная гостиница, где мы ужинали: ели лаке-форели из Иматры и пили пиво и мед с соседнего завода Лаурицала. Ночевали в сарае на сене. С Иматры возвращались с натертыми мозолями и уже не пешком, а в двухколесных таратайках. Водили нас также в великолепный парк барона Николаи Монгерос и на ярмарку, которая бывала каждую осень на поле между городом и Выборгским форштадтом. На ярмарочные покупки выдавали нам каждому по рублю. Зимой иногда предпринимались поездки в санях верст за тридцать, на какую-нибудь почтовую станцию, где пили кофей. Изредка водили нас на концерты, даваемые заезжими артистами, и на любительские спектакли, устраиваемые гарнизонными офицерами и их женами в первой гостинице города «*Socie-tetshus*».

Помню приезд императора Александра II на открытие Сейма. Пароход, подходящий к пристани, и государь, стоящий на капитанском мостике, с блестящей свитой; государь и генералы с развевающимися перьями на касках, в эполетах, лентах, орденах и красных штанах. Потом – как при проезде государя по главной улице ученики Бемской, Фэгестремской и других школ стояли шпалерами и пели гимн на финском языке. Затем – развод в присутствии государя на площади перед лютеранской церковью, участие в коем принимали местный батальон и донские казаки.

Часто мы ходили смотреть, как возводились земляные и гранитные укрепления близ Петербургского форштадта для защиты дороги в Петербург, причем взрывали порохом гранитные скалы, находящиеся около самых укреплений.

Недалеко от школы, где брали песок, было разрыто кладбище еще петровского времени, и из земли торчало множество черепов, костей и даже целых скелетов.

В Петербургском форштадте, вблизи русской церкви, находящейся на горе и окруженной кладбищем, летом разбивал свой лагерь местный батальон. В конце лета, после каникул, мы еще заставляли этот лагерь; потом палатки снимались и солдаты уходили в городские казармы, оставляя после себя лишь канавки с тьмою блох.

Помню еще, как нас возили в Транзунд, где мы спускались в трюм парусного судна, наполненного белой как снег солью.

По субботам мы ходили с учителями в город, причем нам выдавались так называемые карманные деньги. Я получал 10 копеек, а брат, бывший в старшем классе, 25 копеек. На эти деньги обыкновенно покупались лакомства.

Директором Бемской школы был при мне сперва Ахиллес, которого ученики звали между собою Сапожником, потом Цейтлер, носивший прозвище Старика. Госпожу Бем звали Старой Кобылой. Учителя и ученики имели тоже свои прозвища. Из них помню только некоторые. Так, учителя латинского и греческого языков Шредера (*Peter Schroder*) называли Петькой; учителя немецкого языка Шрека звали Кананеркой; учителя русского языка Дегло – Дегляшкой. (Не могу не вспомнить без признательности о Шредере, всегда с любовью и заботливостью относившемся ко мне. Шредер был хороший преподаватель латинского и греческого языков, хотя строгий и вспыльчивый, но, в сущности, добрый и сердечный. Часто во время прогулок он

⁷ Верста – старинная русская путевая мера длины, равная 1066,8 м.

заходил с нами в какой-нибудь загородный ресторан, где, несмотря на свои скудные средства, угощал нас кофеем, медом и сладкими пирожками. Шрек, злой и раздражительный, был нелюбим всеми учениками.) Ученика Дружинина, из Фридрихсгама, звали *Der grosse Laban*⁸; Миллера, из Москвы, – Милоркой; москвича Острита – Устрицей; москвича Борисовского-старшего – Головастиком; меня и брата – Щучкой, если говорили ласково, и Щукой – если ругались.

Историю преподавал Рульман, который лицом напоминал Шиллера. Учителем французского языка был швейцарец Фавр; физики и математики – Пагель. Раньше Шрека преподавал немецкий язык Альтмансбергер, уехавший потом в Москву и поступивший в Петропавловскую школу. Шпренгель тоже оставил впоследствии Бемскую школу и перешел в Ревельскую гимназию.

Бемская школа была настолько поместительна, что все учителя, за исключением Фавра, квартировавшего в городе, жили в ней, и некоторые даже с женами (Шпренгель и Фальтин).

У школьного врача, старика Хольциуса, жившего в городе, была молоденькая хорошенькая дочка по имени Молли. Некоторые ученики из старших классов были в нее влюблены, и имя Молли кто-то из них высек на гранитной скале, имеющей форму сахарной головы и находившейся недалеко от школы, на противоположной стороне Папуловского моста. (В школе называли эту скалу *Zuckerhut*.) Когда старик Хольциус умер, его хоронила вся школа. Это было зимой. Как теперь вижу стоящую перед вырытой могилой, в которую опускали гроб, плачущую Молли.

У воспитанников Бемской школы не было формы, носили лишь синюю фуражку с белым и красным околышком, вроде немецкой студенческой. В школе имелась на дворе собственная баня, куда раз в неделю ученики-пансионеры ходили мыться; зимой многие ученики выбегали из бани голые на двор, чтобы поваляться в снегу. Зимой же играли в снежки, катались на коньках или на лыжах, без теплой одежды, в фуражках, в длинных кожаных сапогах, и надевали лишь на шею шерстяной шарф. Школьные ретирады⁹ не отапливались. Несмотря на все это, ученики не простужались и хворали редко; ложились в лазарет чаще по лености и быстро из него выходили, ибо сидеть на пище святого Антония (давали одну лишь овсянку) скоро надоело.

Освещалась школа газом, проведенным из города. Кухня отличалась образцовой чистотой; деревянные некрашенные полы, бывшие во всей школе, часто мыли. Прислуга была чухонская и преимущественно женская. Женщины прислуживали за столом и вне его, только сапоги чистили чухонцы-мужчины. Все служанки, за исключением одной, были некрасивы; за этой одной ухаживали некоторые холостые учителя и волочились ученики старших классов, не давая ей покоя, пока она не вышла замуж за какого-то чухонца. Какие иногда обязанности исполняла в школе женская прислуга, можно судить по тому, что одной чухонке было поручено вычесать частым гребнем головы учеников меньшего класса, каковую операцию она производила в спальне, нагнув голову мальчика под струю холодной воды, вытекавшей из крана раковины. Будучи вместе с другими подвержен этой ческе, до сих пор не могу забыть, как немилосердно больно драла гребнем наши головы эта чухонка.

Почти все овощи для стола были свои, из школьного огорода. Свои были телята и свиньи, для закалывания коих приглашался мясник; когда убивали свинью, то мясник тут же приготавливал ветчину и колбасу. Телятину давали нам только в праздники. Еще реже ели мы мясо северного оленя, глухарей, тетеревов, куропаток и другую дичь. В будни по утрам служанки приносили в классные комнаты подносы со стаканами молока и ломтями ситного хлеба; молоко давали по желанию – сырое холодное или кипяченое теплое. По праздникам по утрам получали мы по стакану кофея с молоком. Обедали и ужинали всегда в столовой. Кроме того, в 4 часа дня

⁸ Великий болван (*нем.*).

⁹ Ретирата – отхожее место, туалет.

приносили в классы ломти ситного хлеба, намазанного вареньем, или черного – с маслом, колбасой, говядиной, ветчиной или сыром. Иногда ученики-именинники угощали свой класс или все классы шоколадом и Выборгскими кренделями. Первыми пекарями Выборгских кренделей в то время считались Вайти 1-й и Вайти 2-й. Их пекарни помещались в простых деревянных избах, в Петербургском форштадте, недалеко от бойни. В той же комнате, где пекли кренделя, их и продавали. У каждого Вайти одна комната была занята большой печью; на досках лежали кренделя еще из сырого теста, а в сундуках хранились уже испеченные. Кренделя мы возили с собой в Москву родителям. Раз как-то зимой, когда мы ехали домой на рождественские каникулы, на почтовых лошадях, где-то между Выборгом и Петербургом, к нашему немалому горю, украли у нас из корзины почти все кренделя.

В Петербургском форштадте, кроме кренделей, мы покупали ливерную колбасу, сладкие пирожки из песочного теста и другие съедобные предметы, и покупали их обыкновенно не входя в лавку, а через оконную форточку, выходящую на улицу.

Учение в Бемской школе скорее можно было назвать зубрением, потому что все большей частью заучивалось наизусть. Так, учитель рисования Шпренгель, кроме своего специального предмета, преподавал еще географию и зоологию, и как преподавал! Например, преподавание зоологии состояло в том, что Шпренгель показывал ученикам раскрашенные изображения разных животных, называя их, и нужно было ученикам запомнить эти названия и потом самим их называть учителю. Это было все. Вообще естественные науки находились в загоне. Школьная библиотека была бедна книгами. Еще беднее был обставлен физический кабинет. Собственно, физического кабинета вовсе не существовало, а в библиотеке находилось небольшое собрание физических приборов. Химической лаборатории совсем не было. Зато латынью и греческим занимались усердно, в особенности в старших классах, ибо знание этих языков требовалось при поступлении в Дерптский университет, куда преимущественно и приготавлила Бемская школа своих учеников. Русским ученикам преподавал Закон Божий соборный священник. Приходил также из города обучать переплетному ремеслу какой-то старичок-немец, фамилию коего не помню и у которого был в городе свой магазин письменных принадлежностей. В этом магазине наш директор покупал для школьного обихода тетради, линейки, стальные перья, карандаши, перочинные ножи и т. и. По желанию обучали также шведскому языку. Гимнастика была обязательна.

За маловажные проступки провинившихся заставляли выучивать наизусть немецкие стихи или оставляли без обеда и ужина; за более важные – сажали в карцер, на хлеб и на воду, или даже подвергали наказанию палкой, что исполнял сам директор. Случалось, что разъяренные учителя за дерзкие ответы награждали учеников пощечинами.

Между учениками было в обычае «мыть снегом» новичков. Фискальства не терпели, и фискалов били. (С учениками шведской Фагестремской школы мы были в постоянной вражде и при случае с ними дрались.) Многие учителя курили в длинных трубках табак. Когда учитель отлучался хотя бы ненадолго из класса и оставлял свою трубку, ученики пользовались этим случаем, чтобы курить из его трубки. То же делалось и с кофеем, и со сливками, которые подавали в класс учителю: ученики отпивали часть кофея со сливками. В Бемской школе мы были ближе к природе, так как школа находилась за городом, недалеко от воды и леса. Пробуждение природы от зимнего сна нам было хорошо наблюдать: мы видели прилет уток, гусей, лебедей и других пернатых; видели, как бегают по лужам, образовавшимся от растаявшего снега, водяные жуки; ловили саламандр и т. п. Весна была нам очень приятна еще тем, что в начале ее появлялись русские разносчики мороженого. Взяв незаметно из буфетного шкафа стаканы, ученики тайком убегали из школы за большой гранитный камень, находившийся поблизости, где уже поджидали расположившиеся со своими кадками разносчики и за 20 копеек наполняли стакан сливочным или шоколадным мороженым.

В Бемской школе мы с братом пробыли до лета 1867 года, приезжая в Москву на рождественские и летние каникулы. Ездили мы из Москвы до Петербурга, туда и обратно, с другими товарищами-москвичами, зимой, в нетопленном вагоне третьего класса. В дорогу надевали бараньи шубы и валенки. Вагон промерзал насквозь, и часто случалось, что к скамье или полу примерзали наши вещи. Билеты Никольской железной дороги были тогда в виде длинной бумажной ленты, с перечнем всех станций. В Петербурге мы останавливались на Васильевском острове, в 18-й линии, в гостинице Кайзера, где хранилась наша кибитка, в которой отправлялись в Выборг, ибо железная дорога еще не существовала. Надо было проехать на почтовых 140 верст, с переменной лошадей на каждой станции, для чего имели подорожную. Первая станция от Петербурга была Парголово, вторая – Белоостров, затем – первая финляндская станция Раиоки и другие станции с чухонскими наименованиями. Между этими последними, состоящими из нескольких избышек с сараями, как оазис в пустыне, встречалось большое русское село, называвшееся Красным Селом, с каменными церковью и острогом и порядочным станционным домом. Последняя станция перед Выборгом называлась Лильперо. На чухонских станциях, кроме самовара, ничего нельзя было достать, потому мы брали с собою вино, чай, колбасу, сыр, сардинки, хлеб и разную другую провизию. В Белоострове был русский станционный дом, хорошо меблированный, и находилась русская таможня, где спрашивали паспорта и происходил таможенный осмотр. Так как учеников Бемской школы не осматривали, то чухонцы провозили в наших санях контрабанду: табак, сахарные головы и т. п.

Помню, как раз, перед рассветом, не доезжая Петербурга, мы подъехали к освещенному довольно большому двухэтажному дому. Это был какой-то трактир, у которого стояло множество крестьянских саней. В нижнем этаже трактира толпились хозяева этих саней, слышался говор на русском и чухонском языках, было сильно накурено табаком и пахло спиртными напитками. Мы поднялись во второй этаж, где находилось чистое отделение, с диванами и зеркалами, и где нам подали бифштекс с картофелем и луком.

140-верстное зимнее путешествие, иногда в сильную стужу, закаливало учеников, хотя эти путешествия не всегда благополучно сходили с рук. Так, однажды мой брат, его товарищ по классу Острит и я возвращались в своей кибитке в Выборг. Дело было к вечеру; стемнело; мы приближались уже к школе: ехали Петербургским форштадтом. Как вдруг, недалеко от общественного колодца, налетела на нас мчавшаяся водовозная бочка и сшибла сидящего, свесив ноги из саней, Острита. Наши лошади испугались и понеслись, но их удалось остановить. Острита, выброшенного из саней, подняли с облитым кровью лицом и стонавшего. Доставленный в школу, он несколько месяцев пролежал в лазарете, пока не поправился. (В последнюю турецкую войну Острит служил артиллерийским офицером и участвовал в осаде и взятии крепости Карса, за что получил Георгиевский крест. К сожалению, жизнь свою он кончил самоубийством.)

На летние каникулы мы отправлялись из Выборга в Петербург на пароходе Финляндского общества и тем же путем возвращались опять в Выборг.

Вот некоторые из учеников, которые остались в моей памяти: Дружинин (из Фридрихсгама), Фриц Вааль (первые коммерческие дома в Выборге были: Вааль, Хакман, Диппель и Роте), Баклунд, Седов и Зеземан (все из Выборга), Лихонин, два брата Зуевы, Петерка, Бострам и Серке (все из Петербурга), два брата Гебауер, два брата Борисовские, Острит и Миллер (все из Москвы), два брата Кронгельм (из Тифлиса), барон Унгерн-Штернберг (из Остзейского края), Меляр-Топеус, Хасельблат, Паляндер и два брата Кемпе.

Дружинин был большого роста и довольно туповатый, почему его и прозвали *Der grosse Laban*. От своих родителей из Фридрихсгама он получал довольно часто разную провизию, между прочим, миноги, которыми нас угощал. Отец Баклунда жил близ школы и был горшечник; мы ходили смотреть, как он делал на станке глиняные горшки. Зуевы принадлежали к семье, в которой насчитывалось двадцать два сына. Старший из братьев Борисовских, прозван-

ный Головастиком за странную форму головы, отлично рисовал, а младший искусно показывал фокусы. Братья Кронгельм ходили зимой в папахх и бурках. Седов памятен мне тем, что украл у меня из пульты коллекцию серебряных монет и продал ее в городе одному часовщику, где она была отыскана вся в целости и мне возвращена. (Монеты дарил мне отец. Воспитанники в Бемской школе собирали преимущественно стальные перья разных фабрик и почтовые марки разных государств, и у некоторых учеников были значительные собрания.)

По смерти госпожи Бем владельцем школы стал директор Цейтлер. В 1873 году Бемская школа праздновала 25-летие своего существования, а в 1883-м Цейтлер принужден был школу закрыть вследствие малочисленности учеников.

Через 30 лет (в 1897 году) я посетил Выборг. С проведением железной дороги форштадты значительно разрослись, но сам город мало изменился. Предмесье Папула прежде состояло лишь из небольшого числа деревянных домиков (огородника Седова, горшечника Баклунда и др.), а перед Бемской школой местность была покрыта большими гранитными камнями. Теперь все это застроилось. Здания школы я не мог сразу найти, хотя оно и уцелело; нет только школьной башни, на которой развевался русский флаг. В квартире директора поместилась колониальная лавка. Среднее крыльцо, над дверью коего была доска с немецкой надписью, сохранилось. Заглянул я на задний двор, где играли в былое время воспитанники: ограда, сложенная из гранитных камней, во многих местах поразвалилась; в соседнем парке, принадлежавшем генералу Филиппеусу, теперь выстроены домики для солдат; самый парк большей частью вырублен. За Папуловским мостом стоит еще гранитная скала (Zucherhut), но имя хорошенькой Молли, когда-то высеченное на этой скале, стерлось. Существует ли в настоящее время здание Бемской школы, не знаю.

Весной 1867 года меня и брата взяли из Бемской школы, а осенью того же года я был отдан в пансион Гирста в Петербурге. (В 1867 году отец купил дом у Ватсона в Колпачном переулке, на Покровке, куда мы и переселились из дома Херодинова. В 1874 году отец продал этот дом и купил другой, двухэтажный, каменный, у Толмачевой, на углу Пречистенки и Лопухинского переулкa. В настоящее время на месте этих двух домов выстроены новые: в Колпачном переулке – 4-этажный (надстроено два этажа), а в Лопухинском – 7-этажный.)

Пансион Гирста, теперь не существующий, находился на Васильевском острове, в 5-й линии, и помещался в доме, в котором, по преданию, родился Аракчеев. Дом был немецкий, двухэтажный и имел форму буквы Г; на дворе был еще отдельный небольшой двухэтажный каменный флигель.

Владелец и директор пансиона – Дмитрий Фомич Гирст – был очень добрый, образованный человек, превосходно знавший русский, английский, французский и немецкий языки. Некрасивый и рябой, с длинным носом, средних лет, болезненный и флегматичный, он ходил всегда щегольски одетым; выражение его лица было обыкновенно грустное, я никогда не видал его веселым. В обращении со всеми Дмитрий Фомич был чрезвычайно вежлив.

Русский язык преподавал Василий Петрович Геннинг, математику и физику – Ростислав Николаевич Гришин, географию – Петр Федорович Обломков (все трое из 7-й гимназии), всеобщую историю – Анонимов (переводчик Герберштейна «Renan Moscovitarum»), коммерческие счисления – Рейнбот (из коммерческого училища), товароведение – Лесгафт, ботанику – Мелиоранский, английский язык – мистер Harrisson (из Морского корпуса) и др.

При пансионе было особое приготовительное отделение для поступающих в Морской корпус. При мне в этом отделении учились: Бутаков, Мофет, Шкотт и др. Преподавали преимущественно учителя из Морского корпуса: Божерянов, Рождественский и др. Будущие моряки уже в пансионе Гирста носили голландки, которые заказывали в швальне¹⁰ Морского корпуса; а по вступлении в корпус навещали нас в полной кадетской форме, при палахах. Так как

¹⁰ Швальня – портняжная мастерская.

родственники учившихся в этом отделении занимали большей частью высшие должности во флоте, то в пансион Гирста приезжали разные контр-, вице- и полные адмиралы. Один контр-адмирал, фамилию которого я позабыл, преподавал в отделении географию, и его почему-то прозвали Каретой.

Как видно из писем ко мне Р.Н. Гришина, сам Д.Ф. Гирст был о своем морском классе (в 1872 и 1873 гг.) плохого мнения. Так, 12 мая 1872 года Гришин пишет мне: «Пансион Гирста все существует на прежнем основании, только высших классов (с ничтожными знаниями) не существует; зато открыт все еще знаменитый морской с прежними матросскими рубашками и ничегонеделанием».

10 сентября того же года: «От моряков он (Гирст) не знает, как отделаться. Более буйных поместил в известный Вам флигель (старшие классы – V и VI – закрыты: боится держать взрослых)».

10 июня 1873 года: «Бедняга (Гирст) жалуется на заметно расстроившееся здоровье; а между тем отлучиться ему на лето, говорит, нельзя: в доме остаются 40 человек головорезов, готовящихся в морское училище. Поручить же их чужому надзору будто невозможно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.